

Библиографический список

- Анкушева П. С., Киселева Д. В., Бачура О. П., Алаева И. П., Анкушев М. Н., Окунева Т. Г. Труд и питание горняков бронзового века Южного Зауралья (по данным изотопного состава стронция в остеологических остатках рудника Новотемирский) // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2021. № 2. С. 69–83.
- Антипина Е. Е. «Под знаком комолой коровы...» — возвращаясь к остеологической коллекции поселения Горный // *Археология евразийских степей*. 2022. № 2. С. 40–52.
- Ткачев В. В., Косинцев П. А., Бачура О. П., Байтлеу Д. А. Модель скотоводческого хозяйства населения позднего бронзового века с горно-металлургической производственной специализацией в Южных Мугоджарах (Западный Казахстан) // *Уфимский археологический вестник*. 2023. № 2 (23). С. 377–395.
- Ankusheva P. S., Rassadnikov A. Yu., Ankushev M. N., Bachura O. P., Chechushkov I. V., Kiseleva D. V., Zazovskaya E. P., Epimakhov A. V. Meat supply of Alakul miners at the Bronze Age Vorovskaya Yama copper mine (southern Trans-Urals) // *Environmental archaeology*. 2024. DOI: 10.1080/14614103.2024.2321419
- Chechushkov I., Epimakhov A., Ankushev M., Ankusheva P., Kiseleva D. Interpolated data on bioavailable strontium in the southern Trans-Urals // *Zenodo*. 2023. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.7370066>
- Shishlina N., Roslyakova N., Kolev Yu., Bachura O. P., Kuznetsova O. V., Kiseleva D., Retivov V. M., Tereschenko E. Animals, metal and isotopes: Mikhailo-Ovsyanka I, the Late Bronze Age mining site of the steppe Volga region // *Archaeological Research in Asia*. 2020. No. 24. P. 100229.

P. S. ANKUSHEVA, A. V. EPIMAKHOV

ISOTOPIC COMPOSITION OF STRONTIUM IN ANIMAL BONE REMAINS AT THE NOVOTEMIRSKY AND VOROVSKAYA YAMA MINES (SOUTHERN TRANS-URALS)

The paper presents a study of $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ composition in the bones and teeth enamel of domestic ungulates from the cultural level of two Bronze Age copper mines in the Southern Urals. It was established that the animals slaughtered at Novotemirsky mine could have grazed within the nearest neighborhood of the site (within a radius of 10–15 km). A significant part of the animals from the Vorovskaya Yama mine came from the more remote territories of the Southern Trans-Urals, the Sr-signal of which found analogies within 100 km distance from the mine.

Polina S. Ankusheva — Candidate of Historical Sciences, South Ural State University (Russia, Chelyabinsk)

E-mail: polenke@yandex.ru

Andrey V. Epimakhov — Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: eav74@rambler.ru

H. A. БЕРСЕНЕВА

ПОГРЕБЕНИЯ РИТУАЛЬНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ЭПОХУ БРОНЗЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Реконструкция ритуальной деятельности древних остается очень сложной задачей для археологии, несмотря на большое продвижение в методах изучения за последние годы. Целью данного исследования является постановка вопроса о возможности идентификации погребений «служителей культа» или «ритуальных специалистов» в памятниках эпохи бронзы Южного Урала (конец III — первая половина II тыс. до н. э.). Многочисленные высказанные ранее предположения, нацеленные на идентификацию и интерпретацию погребений «служителей культа», нуждаются в ревизии и

системной проверке с привлечением максимально большого массива данных. Этот подход, возможно, позволит проследить динамику явления на протяжении бронзового века. Кроме изучения инвентаря, особенностей погребальных конструкций и иных деталей обряда, перспективным видится выявление захоронений, отличных от нормативного погребального ритуала («девиантных»), с точки зрения возможности отнесения их к погребениям «ритуальных специалистов».

Берсенева Наталья Александровна — д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Челябинск)

E-mail: bersnatasha@mail.ru

Реконструкция ритуальной деятельности древних людей остается очень сложной задачей для археологии, несмотря на большое продвижение в методах исследований за последние годы. Тем не менее известно, что ритуалы были важнейшим инструментом организации любого человеческого сообщества [Байбурин, 1993, с. 17–19], да и материальные остатки ритуалов, в частности, погребальных, не вызывают сомнений в существовании ритуальных практик. Невзирая на трудности, аспекты, связанные с мировоззрением давно ушедших обществ, никогда не оставались без внимания ученых. Для бронзового века Южного Урала историография этого вопроса весьма обширна, и специалисты с ней хорошо знакомы. Особенно большой массив литературы обращается к материалам синташтинской культуры Южного Зауралья, погребальные памятники которой вкупе с планиграфией поселений предоставляют богатую почву для реконструкций культовой деятельности древнего населения. Следует отметить, что реконструкции касались в основном содержания и интерпретации культов, но не так много ученых ставило вопрос о людях, которые организовывали или исполняли ритуалы, обеспечивали поддержание и преемственность культовых практик.

Краткий обзор ситуации, сложившейся за последние 20–25 лет, позволяет зафиксировать несколько предположений и выводов: (1) ритуалы на уровне вовлечения всего коллектива (обитателей одного поселения, например) могли отправляться собственными представителями элиты, которые в таком случае совмещали функции «светского»/военного руководителя и ритуального специалиста [Зданович, 1997, с. 66, 67]; (2) обособленную социальную группу «жрецов» выявить на синташтинских материалах не удастся [Епимахов, 2002, с. 60]; (3) некоторые культы, врачевание, гадание могли практиковаться представителями женской части коллектива [Зданович, 1997, с. 73; Куприянова, 2008, с. 142–154].

Кроме того, были предприняты попытки установить материальные маркеры погребений «служителей культа». Д. Г. Зданович причисляет к таковым каменные булавы и костяные лопаточки из погребений синташтинской культуры [1997, с. 50–56]. С. В. Сотникова считает, что установленные вверх дном сосуды в женских погребениях бронзового века, могли маркировать женщин, «которые при жизни выполняли ритуальные (возможно, шаманские) функции» [2016, с. 110]. А. А. Ткачев полагает, что погребения по обряду кремации в могильнике Майтан могли являться «погребениями жрецов» [2019, с. 474]. Сходного мнения придерживался В. В. Цимиданов, изучая памятники срубной культуры [2004, с. 61]. Он также отмечал, что маркером «жреческих» погребений в срубных памятниках могли служить деревянные чаши и астрагалы [Там же, с. 55].

Подводя итоги историографического обзора, нетрудно заметить, что имеются два подхода — один очень общий, так сказать, не персонифицированный, и другой, слишком

узкий — основанный на наличии определенных, достаточно редко встречающихся предметов. На практике соединение этих двух подходов в одном исследовании встречается нечасто.

Целью доклада является постановка вопроса о возможности идентификации погребений «служителей культа» или «ритуальных специалистов» в памятниках эпохи бронзы Южного Урала. Проблемы, из-за которых данная тема изучалась лишь в общих чертах, очевидны. Характерная черта синташтинской погребальной обрядности — преобладание коллективных захоронений и высокая доля детей. В последующий период времени процент детей возрастает (петровские, алакульские памятники), а сложность и затратность погребальных ритуалов снижается. Погребенные в могильниках срубной культуры достаточно скудно снабжались инвентарем, большинство могил характеризуются скромностью конструкций. Таким образом, вопрос критериев выделения не только погребений ритуальных специалистов, но и элиты в рамках срубной традиции, остается дискуссионным. Попытка выявить отдельные предметные маркеры особого успеха не имела, комплексы «предметов культа» также уверенно обосновать не удалось. Кремация как альтернативный способ отдаления для ритуальных специалистов также нуждается в дополнительном обосновании. Представляется, что необходима ревизия высказанных ранее мнений на основе анализа базы источников, значительно расширившейся за последние годы. Проведенный анализ, возможно, позволит рассмотреть ситуацию в динамике (по крайней мере, для Южного Зауралья). Перспективным видится изучение погребений, отличных от нормативного погребального ритуала («девиантных»), с точки зрения возможности отнесения их к погребениям «ритуальных специалистов».

Библиографический список

- Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.
- Епимахов А. В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск, 2002.
- Зданович Д. Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск, 1997.
- Куприянова Е. В. Тень женщины: женский костюм бронзового века как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск, 2008.
- Сотникова С. В. Погребальные памятники синташтинского и андроновского населения как источник по реконструкции ритуалов и представлений. Омск, 2016.
- Ткачев А. А. Могильник эпохи бронзы Майтан. Новосибирск, 2019.
- Цимиданов В. В. Социальная структура срубного общества. Донецк, 2004.

N. A. BERSENEVA

RITUAL SPECIALISTS' INTERMENTS DURING THE BRONZE AGE IN THE SOUTHERN URALS: PROBLEM FORMULATION

The reconstruction of the ritual practices of the ancient people remains a very difficult task for archaeology, despite the great progress in the research methods in recent years. The purpose of this study is to raise a question of the possibility of identifying the interments of the “ministers of worship” or “ritual specialists” in the Bronze Age sites of the Southern Urals (late 3rd — first half of the 2nd millennium BC). Numerous previously expressed assumptions aimed at identifying and interpreting the “ministers of worship” interments need to be revised and systematically verified using the largest possible array of data. This approach may allow tracing the dynamics of the phenomenon throughout the Bronze Age. In addition

to studying the grave goods, characteristics of the funeral structures and other details of the ceremony, it seems promising to identify interments that differed from the standard funeral ritual ("deviant"), from the point of view of the possibility of classifying them as the "ritual specialists" interments.

Natalia A. Berseneva — Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Russia, Chelyabinsk)
E-mail: bersnatasha@mail.ru

В. В. БОБРОВ

О СЕВЕРНОЙ ШИРОТНОЙ МИГРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИИ В ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ ОТ НЕОЛИТА К ЭПОХЕ ПАЛЕОМЕТАЛЛА*

В истории советской археологической науки одной из актуальных проблем являлась изучение феномена культур с керамикой, украшенной в гребенчато-ямочном стиле, ареал которых включал восточноевропейский север, Прибалтику, лесостепь и южно-таежную зону Западной Сибири вплоть до Среднего Енисея. Происхождение гребенчато-ямочной традиции на территории Западной Сибири рассматривалось, как результат проникновения ее носителей из северных районов Восточной Европы. В последние десятилетия по этой проблеме в западносибирской археологии сформировалась автохтонная концепция и ареал памятников с гребенчато-ямочной орнаментацией отнесен к культурно-исторической общности. Учитывая находки долот типа «круммейсель» и орудий русско-карельского типа в памятниках с гребенчато-ямочной и гребенчатой керамикой на территории Урала, Среднего Прииртышья и Верхней Оби, следует вернуться к идее северной широтной миграции. Укрепляет эту позицию хронология этих комплексов, а также памятников Фенноскандии.

Бобров Владимир Васильевич — д.и.н., Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН, Кемеровский государственный университет (Россия, Кемерово)
E-mail: bobrov4545@mail.ru

В истории западносибирской археологии эпохи палеометалла, в частности бронзового века, широкое признание получила концепция М. Ф. Косарева, согласно которой в основу изучения археологических культур в аспекте хронологического пространства положена тенденция развития орнаментальных традиций. Среди четырех обозначенных им традиций гребенчато-ямочная являлась наиболее простой с точки зрения композиционного построения. До конца 1970-х гг. проблема ее происхождения в декоре керамической посуды культур бронзового века на территории Западной Сибири была активно обсуждаемой. М. Ф. Косарев, как и последователи его концепции, считал, что появление на территории Западной Сибири гребенчато-ямочной орнаментальной традиции явилось результатом воздействия или проникновения ее носителей из северо-западных регионов Европы. Таким образом, в широтном лесном и лесостепном пространстве Евразии от Фенноскандии до Среднего Енисея сформировалась общность культур, так называемой гребенчато-ямочной керамики. Позже, не отрицая возможности восточноевропейских импульсов, он высказал идею и привел некоторые аргументы об автохтонном происхождении гребенчато-ямочной

* Работа выполнена в рамках государственного задания, проект АААА-А21-121012090006-0 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири»